Угорь уставился на него: При чём тут Хэ Линьнань?

Краб: Так Хэ Линьнань же оператор «Ясности»! Судя по возрасту, он попал в съёмочную группу позже всех. Брат, ты не видел, каким Хэ Линьнань был в свои чуть за двадцать — свежий такой, аж сок брызжет, даже тем, кто по другой части, на него смотреть было щекотно.

Глава 6. Объятия или драка?

Окно было открыто, в уши доносился шипящий на противне звук сочащегося жиром мяса, а ветер заносил в гостиную аппетитный запах зиры.

Мясо во дворе жарил Цинь Мянь. Когда Хэ Линьнань спустился вниз, Кэла вприпрыжку вынес на стол уже готовые шашлыки от Цинь Мяня.

За столом также сидели диетолог и тренер Цинь Мяня, они о чём-то болтале и заливисто смеялись. Кэла рассказывал ему, что эти двое — муж и жена.

Диетолога звали Ни Синьсинь, ей было за пятьдесят, она была этнической китаянкой с дочерна загорелой кожей, и все звали её сестрица Синьсинь. Именно она хлопотала и покупала выпивку с мясом, чтобы поприветствовать Хэ Линьнаня.

Что же до тренера, то это был краснолицый американец — то ли этот старикашка так обгорел на палящем солнце в Синьти, то ли лицо у него покраснело оттого, что он вечно торчал рядом во время тренировок бойцов и орал на них басом. К тому же Хэ Линьнань до сих пор не знал, как старикашку зовут: все в клубе звали его просто тренер, и он тоже стал звать его так.

На столе стояло рекламное фруктовое вино из Синьти, о котором трубят на каждом шагу.

Вернувшись из Африки и проведя в Синьти почти два года, он ещё ни разу не пробовал синьтийское фруктовое вино, которое местные почитают за национальный напиток.

На вкус оно оказалось самым обычным — просто вино, не такое жгучее и резкое. Впрочем, возможно, его ожидания приукрасили реальность, но чем дальше он пил, тем больше оно ему нравилось.

Поэтому он пил бокал за бокалом, пока в голове не зашумело. Повернувшись, он поднял бутылку и взглянул на этикетку: ого, у фруктового вина такая высокая крепость?!

Цинь Мянь, всё это время жаривший мясо во дворе, наконец вернулся к столу.

Хэ Линьнаня передёрнуло, и он чуть не выронил бутылку — Цинь Мянь уселся на соседнее с ним место!

Зачем он сюда сел?

Разве рядом с ним только что не сидел Кэла?

Хэ Линьнань мысленно восстановил предысторию: Кэла — левша, во время еды он несколько раз чуть не ткнул ему в глаз железной шпажкой, за что Хэ Линьнань согнал его на самый край стола.

Не поворачивая головы, Хэ Линьнань украдкой перевёл внимание на периферическое зрение.

Большой белый кот откуда-то выскочил и, не замешкаясь ни на секунду, стрелой прыгнул Цинь Мяню на колени. От Цинь Мяня пахло жареным мясом, и кот, опустив шею, принюхивался к его руке.

Хэ Линьнань потупился, глядя на кота, а в голове у него автоматически включилась запись голоса Кэлы: Ни в коем случае не спрашивай брата Мяня, откуда этот кот!

Алкоголь гулко грохотал в черепной коробке, сидеть ровно уже почти не получалось. Хэ Линьнань поднял руку, подпёр подбородок, чтобы не раскачиваться, и уставился на пальцы Цинь Мяня, трепавшие кота за ушком.

Сорвалось с языка: — Откуда этот кот?

Задав вопрос, он вдруг заметил, что разговоры и смех за всем столом разом смолкли, словно кто-то нажал кнопку паузы.

Хэ Линьнань поднял голову и медленно обвёл взглядом присутствующих — лица всех сидящих за столом были более или менее напряжены.

Алкоголь притупил нервы, но даже при такой заторможенности он отчётливо чувствовал неладное, а это значило, что странность за столом была из ряда вон выходящей.

— Привезли из Китая, зовут Хуахуа, мы везде таскаем Хуахуа с собой, — перехватила разговор Ни Синьсинь. — Амянь пожалел отправлять его в багажный отсек, специально купил билет, с которым пускают в салон.

Ни Синьсинь встала, подцепила щипцами куриное крылышко с шампура и переложила ему в тарелку: — Ешь, крылышки готовы! Я специально купила, это не бройлеры, а выращенная на воле синьтийская курица, ешь пока горячее!

На краю стола Кэла во все глаза пялился на него, зажав в зубах кусок мяса и застыв на полужесте.

Тренер же украдкой покосился на Цинь Мяня.

Лишь Цинь Мянь выглядел совершенно спокойно: с мягким выражением лица он ласково гладил кота по макушке.

Хэ Линьнань посмотрел на профиль Цинь Мяня, не понимая, то ли он сейчас просто хмельной, то ли перевозбуждённый, а может, и то, и другое сразу. Он слышал, как его собственное сердце бешено бьётся в горле — оно колотилось так яростно, что это даже мешало. Наклонив голову, он решил вести себя нагло и вызывающе, обратившись к Цинь Мяню: — Ты его купил? Подобрал?

— Поймал, — мягко ответил Цинь Мянь. Не убирая руку с кошачьей шеи, он вот так приподнял веки и посмотрел на него. — Поймал у могилы Цицигэ, оно во щурило у неё вяленую говядину.

Цинь Мянь сидел рядом и говорил с ним чуть тише обычного.

Хэ Линьнань был настолько пьян, что сначала воспринял не смысл слов, а саму интонацию, и в этой мягкости полностью утратил бдительность.

В голове мелькнул слабый голосок, предупреждавший, что что-то здесь не так, но он был слишком тихоней, и Хэ Линьнань отмахнулся от него.

— Цицигэ… — повторил про себя это имя Хэ Линьнань, не сразу сообразив, кто это и знаком ли он с ней вообще. Первым делом в памяти всплыло сияющее лицо из маленького монитора операторской камеры — оно излучало куда больше радости, чем улыбка его брата, и стоило только взглянуть на девочку на экране, как уголки губ сами собой шли вверх.

— Цицигэ, значит, — бессмысленно повторил он имя ещё раз, силясь вспомнить всё, что с ним связано.

— Пошли, покурим на улице, проветримся! — Кэла неизвестно когда материализовался рядом и дёрнул его за руку.

Тело плохо слушалось: рука, подпиравшая подбородок, безвольно упала под рывком Кэлы, и Хэ Линьнань почувствовал себя конструктором, из которого вытащили несущую колонну — вмиг всё зашаталось.

— Не хочу курить… — он оттолкнул Кэлу и по инерции откинулся назад, но его подхватила спинка стула. Вспомнив какую-то картинку, он неудержимо рассмеялся: — Цицигэ… ха-ха, Цицигэ тоже слаба до выпивки, совсем не умеет пить.

Не сумев поймать равновесие, он рефлекторно зацепился рукой за какую-то опору и, прищурившись, обнаружил, что вцепился в плечо Цинь Мяня.

— Брат Цицигэ… — Хэ Линьнань вглядывался в лицо Цинь Мяня. Бывает, что близнецы совершенно не похожи друг на друга — так и было у Цицигэ и Сяо Маньцзы, общим у них оставалось лишь высокое прямое переносинтие.

Меньше всего они походили глазами: у Цицигэ взгляд всегда казался очень счастливым.

— Ты напился, — Кэла снова ухватил Хэ Линьнаня за руку. — Я провожу тебя в комнату спать!

У Кэлы была огромная сила, и от этого рывка стул под Хэ Линьнанем с противным скрипом проехался по полу.

Хэ Линьнань снова поднял руку и прижался ладонью к плечу Цинь Мяня, а потерявшая баланс голова тоже склонилась набок, уткнувшись в тыльную сторону его собственной руки, прислонившись к Цинь Мяню: — Цицигэ так умоляюще смотрела на чужого белого жеребёнка, а ты ей так и не купил, ты…

Доворить он не успел: запах алкоголя резко сгустился, глаза словно обжогом обожгло. Он не успел среагировать, как Цинь Мянь толкнул его обратно на спинку стула.

С запоздалым чувством он ощутил, как фруктовое вино стекает по щеке и капля за каплей капает на одежду на груди, и наконец сообразил, что Цинь Мянь только что вылил ему на голову полбокала вина.

Кот терпеть не мог жидкость — оттолкнувшись задними лапами, он спрыгнул на пол и, не забыв оскалить зубы на Цинь Мяня, яростно зашипел.

Сердце в горле билось с невероятной силой, колотясь так, будто его чем-то заперли.

Хэ Линьнань провёл рукой по лицу, стирая вино, ухватился за стоявший перед ним бокал, сжав пальцы до побеления, но тут же разжал их, словно у него разом пропали все силы. Вскочив со стула, он лицом к лицу полубросился-полурухнул на Цинь Мяня.

Цинь Мянь, судя по всему, хотел его поймать, но Хэ Линьнань промахнулся мимо него и, сжав кулак, заехал Цинь Мяню по лицу.

Цинь Мянь увернулся, но поскольку обе его руки охватывали талию Хэ Линьнаня, уйти удалось лишь от прямого удара, и кулак всё же попал ему в челюсть.

Суставы пальцев, столкнувшиеся с челюстной костью Цинь Мяня, сперва заныли в одной точке, а затем боль разлилась по всей руке. Навалившись на Цинь Мяня, Хэ Линьнань безумно и бестолково принялся его молотить.

Оба стула рухнули: один он опрокинул сам, а второй задел по дороге.

Цинь Мянь приподнялся на локтях и выбросил руку вперед — Хэ Линьнань решил, что тот собирается дать сдачи, но рука ухватила его за плечо.

Хэ Линьнань оглянулся и увидел руку на своём плече — это была рука Кэлы.

Кэла тянул его за плечо, а Цинь Мянь держал Кэлу за руку.

Заторможенный мозг Хэ Линьнаня попытался это осмыслить: Кэла пытался стащить его с Цинь Мяня, но Цинь Мянь остановил Кэлу.

Воспользовавшись заминкой, Хэ Линьнань со злости толкнул Цинь Мяня в грудь.

Вообще-то на этом всё должно было закончиться — у него не осталось сил, и он собирался просто подняться, но Цинь Мянь, судя по всему, истолковал это как продолжение драки. Не успел Хэ Линьнань сообразить, как всё изменилось, а Цинь Мянь уже перехватил его за обе руки, поднял и быстрыми шагами потащил в комнату.

Кто вообще говорит, что пьяные становятся тяжелее? Судя по тому, с какой лёгкостью Цинь Мянь волок его в комнату, сам он был лёгким, как мешок с тряпьём.

Дверь за ними захлопнулась с глухим стуком, от которого сердце в горле у Хэ Линьнаня чуть опустилось вниз, и ощущение удушья заметно отступило.

Он поднял глаза на Цинь Мяня.

Это была спальня Цинь Мяня, он вошёл сюда впервые. Комната располагалась на первом этаже, окна выходили в пол, и уличный фонарь за стеклом падал на лицо Цинь Мяня, точно прозрачная рыбка, чей хвост оставлял на его коже бледный всполох.

Нервные окончания подёргивались, дышать было тяжело. Хэ Линьнань приоткрыл рот, впуская воздух, и, глядя на Цинь Мяня, снова спросил: — Почему… ты не купил Цицигэ белого жеребёнка?

Он снова не уследил за движениями Цинь Мяня: тот резко зажал ему рот ладонью — намертво зажал рот.

В этот момент у него даже промелькнула мысль: те хвалебные статьи в СМИ о физической форме Цинь Мяня, где писали, что в бою он двигается с противником на ближней дистанции словно телепортируется, судя по всему, чистая правда.

Хэ Линьнаню хотелось рассмеяться, но из-за закрывающего рот лица Цинь Мяня звука не получалось, и только плечи мелко подрагивали.

Почему он не купил Цицигэ белого жеребёнка?

Потому что Сяо Маньцзы не мог его позволить.

Как же всё просто.

Поэтому он сам купил Цицигэ белого жеребёнка. Торговец уверял его, что лошадь объезжена и обладает на редкость послушным нравом, и он радостно повёл коня домой.

Конь взбесился, Цицигэ сбросило на землю. Её увезли в больницу, и спустя шестнадцать дней сердце остановилось.

Торговец солгал ему, та белая лошадь была вовсе не объезжена.

Он ничего не смыслил в лошадях, но Сяо Маньцзы разбирался — Сяо Маньцзы вырос в степи, и если бы конь для Цицигэ выбирался им самим, он непременно сумел бы подобрать покладистое животное.

http://bllate.org/book/34412/4242628